

**Борис
ГОНЧАРОВ**

18+

Рассуждизмы

И

пароксизмы

Книга 1

Второе издание, переработанное
и дополненное

Борис Гончаров

**Рассуждизмы и
пароксизмы. Книга 1**

«Автор»

2020

Гончаров Б.

Рассуждизмы и пароксизмы. Книга 1 / Б. Гончаров — «Автор»,
2020

Эпизоды, рассуждизмы, мнение, экзерсисы, образы... В Предисловии - правда, но не истина - она одна, а правд много (как здесь). Цифры в названиях глав – это только порядковые числительные, последовательность расположения - это эклектика. Иллюстрации – авторские. Второе издание, переработанное и дополненное.

© Гончаров Б., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Предисловие	5
1. Утренние сказки	6
Записки после phасоеulsification. (+18, только для взрослых)	6
«Весной в деревне»...	11
Полигамия художника...	14
Аппроксимация любви образами и Постфактум	15
Юбилейная речь	18
Камо грядеши...	20
Соня и другие...	21
Не надо впадать в отчаяние...	27
Об образах любви и бога	29
Диалектическое болеро	30
Глория Дей	32
Это? Будет? Весной? (Девичья грёза. Аутотренинг)	35
Для взрослых колыбельный речитатив: «Образ первой любви»	37
Лагерное контрматримониальное. Четыре этюда и Довесок	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Борис Гончаров

Рассуждизмы и пароксизмы. Книга 1

Предисловие

«Сказка ложь, да в ней намёк...»

Есть правда и правда. Из них субъективна, как сказка, но она не ложь априори – обязательно содержит в себе намёк.

1. Утренние сказки

Записки после phacoemulsification. (+18, только для взрослых)

Есть только миг между прошлым и будущим...

Л. Дербенёв. «Есть только миг»

Чтобы написать хоть немного самому, надо либо прочитать много у других, либо знать то, что забыли или не знают другие.

Записки postphacoemulsification

Всякое хирургическое вмешательство (кроме кратковременного стоматологического) блокирует некоторые процессы и способности человека.

Рефрен Записок

Неизвестно, откуда и как приبلудились эти записки карандашом, случайно обнаруженные в одном из томов, по случаю доставшегося 10-и томного (1962–65 г.г. издания) «Руководства по внутренним болезням» (без 9-го тома, но со «Справочником практического врача» 1973 г. взамен).

Может быть, это часть этюдов к картине в прозе или собственно прозаические картинки, может... Да мало ли что.

1. Палата № 3

Дежурная поселила Сашу в палату № 3.

Всего в отделении было шесть палат, но до шестой у него пока дело не дошло. На следующий день он полюбопытствовал. Шестая оказалась закрыта (может партийный резерв?).

Отцом ультразвуковой факоэмульсификации считают американца Чарльза Кельмана, опубликовавшего соответствующие разработки в 1967 году. К 1973 году врач помог более чем полутысяче пациентов, отметив резкое снижение числа осложнений по сравнению с обычным хирургическим вмешательством. Сейчас используется не только ультразвук, но и лазер, а также сверхтонкие струи жидкости. Но метод сохранил свою основную идею после забытого отца-основателя (как это бывает обычно у благодарного человечества).

В городе N, где обретался Саша, можно сказать о трёх клиниках (хотя есть и ещё, но для сравнения по теории вероятностей достаточно трёх): «филиал» филиала центра имени... соответствующее отделение городской больницы и клиника профессора... Во всех трёх применяется одно и тоже оборудование (США, Германия, Япония) и указанная методика. В первой и третьей – платно и амбулаторно, во второй бесплатно и в течение нескольких дней под наблюдением в стационаре.

Что изумило Сашу в первый же день (и продолжало изумлять во все последующие, вплоть до выписки и после), так это женский контингент, которого было большинство по сравнению с мужским населением отделения. Собственно, не контингент буквально, но их роскошные одежды: все поголовно, из всех палат – на процедуры, в столовую и в другое место, куда «не зарастёт народная тропа», – в домашних цветастых байковых халатах и ночных сорочках, невинно выглядывающих из-под распахнутых подолов халатов. Но одна особа фланировала

вообще без халата. Т. е. не то, чтобы совсем голая, но всю видимую одежду ей заменяла именно ситцевая (ночная?) сорочка пастельно-салатных тонов с мелкими голубыми цветочками, державшаяся на бретельках и доходившая до щиколоток барышни с блаженной улыбкой на лице. А впрочем, может теперь такие платья, как сорочки? Но это потрясающе. «Прощайте мои бедные глаза, вы никуда не годитесь после такого спектакля» – сказал бы Гоголь, а Пушкин добавил о воспитании, которым «слава богу, у нас немудрено блеснуть».

Да что там Пушкин – Саше случайно довелось увидеть и услышать на улице, как некая дама, направляясь с сумкой в магазин за продуктами, похвасталась встречной знакомой:

– А я сегодня в новом халате...

Но была в отделении одна – в бриджах и топе. Саша хотел было уже приударить, да она оказалась брюнеткой с «каре».

Всё остальное по больничному было обычно, в т. ч. – питание.

В печали лёжа на клеёнчатом матрасе больничной кровати в ожидании операции, Саша мечтал о светлом будущем и вспоминал не менее счастливое прошлое, повторяя брюсовское: «единое счастье – работа».

2. Выступление капитана Копейкина.

Счастлив ли? В разное время на этот вопрос отвечал по-разному, но всегда – отрицательно.

М. М. Жванецкий

В палате было пятеро. Один из Сашиных сожителей уходил до операции и после в другой стационар по основной своей болезни (что-то желудочное, кажется).

В один из дней в палату забрёл капитан Копейкин. Почему он выбрал для своего выступления именно третью палату – неизвестно.

Но послушать капитана набилась масса народу: аж все местные аборигены – 3 человека и даже уходящий четвёртый задержался. Саше надо по технической причине некоторое время отсутствовать, поэтому в палату вернулся, когда Копейкин уже набрал обороты.

– ...Вы думаете, почему решено увеличить пенсионный возраст? Да чтобы народу деньги не платить... Бюджет уже весь раздали... Теперь с народа. И это ещё не всё, это полдела. Ведь теперь эти «предпенсионеры», как когда-то колхозники без паспортов: уволиться – так тебя нигде на работу больше не примут, остаться – так работодатель тебя «обминималит», да и уволить может – никакой уголовный кодекс не поможет – есть масса способов... А вы говорите – купаться...

Что, других способов пополнить казну нет? «Где деньги, Зин?» – это не вопрос. Есть, они известны и возможны: монополия на алкоголь и табак, прогрессивная шкала налогов, возвращение вложений из-за рубежа, сокращение управленческого аппарата, конфискации у коррупционеров имущества и введение смертной казни, отъём разницы между доходами и расходами, контроль переводов собственности на родственников и подставных лиц...

Посмотрите на эту Г... – она опять начальник. Раньше медициной командовала – так при ней народ выздоравливал, как мухи. А теперь – и в родильных домах...

Пенсионерка пожаловалась, что стыдно быть бедной в богатой стране. Но депутат весело ей ответил словами Шукшина, что, мол, не стыдно – бедным, а стыдно – дешёвым. А Г... радостно по тысяче рублей в среднем прибавку к пенсии обещает. Нормально? У неё часы – за несколько тысяч североамериканских рублей. И её супруг, господин Х («Х» – это не крестик, это буква «хе») теперь как бы не начальник, но тоже мимо рта не пронесёт.

Пример расслоения между бедными бюджетниками и богатыми составителями бюджета (у которых для особняков за границей, брюликов в ушах и долларовых часов – нет предела потребностям).

* * *

Возможно, капитан прошёлся ещё и по президентам США – прошлому, настоящему и будущему – дослушать не удалось, т. к. Саше позвонили товарищи, а там и ужин подоспел, и процедура. Но уже в услышанной части монолога имела место быть сермяжная правда: у кого-то суп жидкий, а у кого-то жемчуг мелкий, но по статистик в среднем у каждого по курице.

РИА Новости сообщает, что «...уровень бедности в стране по-прежнему высок – 19,3 миллиона человек, то есть 13,2 % россиян имеют доход ниже прожиточного минимума». Но Г... с брюликами успокаивает: «Правительство подготовит новый пакет мер по борьбе с бедностью».

3. О, ВОЗ, ты – ООН

ВОЗ вслед за ООН (ссылаясь на решение 1980 года) рекомендует рассматривать 60 лет, как границу перехода в группу пожилых. За рубежом возраст от 60 до 74 лет рассматривается как пожилой; 75 лет и старше – старые люди; 85 лет и старше – очень старые, 90 лет и старше – долгожители.

Классификация людей по группам и категориям по ВОЗ:

Возрастной период 18–44 лет – молодость, 44–60 лет – средний возраст, 60–75 лет – пожилой человек, 75–90 лет – старческий период, 90+ лет – долгожитель.

По международным определениям население страны считается старым, если доля людей в возрасте 65 лет и старше превышает 7 %. В России около 20 % граждан подпадает под это определение. Условно человек считается старым с 75 лет (т. е. через 15–20 лет после выхода на пенсию).

В отечественной науке следующая возрастная периодизация:

– пожилой возраст 60–74 года мужчины, 55–74 года женщины,

– старческий – 75–90 лет мужчины и женщины,

– долгожители – 90 лет и старше мужчины и женщины.

Выделяется также пенсионный возраст, границы которого устанавливаются чиновниками и голосующими депутатами. При определении пенсионного возраста исходят из возраста хронологического – количества прожитых лет.

Существуют понятия возраста: функциональный, психологический и биологический. Это также условно, т. к. календарный и биологический, а также психологический возраст не всегда совпадают.

Пенсионный возраст в России: для мужчин – 60 лет, для женщин – 55 лет (был до решения чиновников и голосования депутатов).

Средняя продолжительность жизни – 72,7 года: у мужчин – 67,5 года, у женщин – 77,6 лет.

Средний показатель пенсии по старости (в конце 2017 года) – 14 075 руб.

Коэффициент замещения пенсией утраченного условного заработка – 34 %.

Прожиточный минимум на душу населения (в III квартале 2017 года) – 10 328 руб.

Надо заметить, что Библией назначено человеку 120 лет жизни (патриархи жили значительно дольше). По Мечникову, в «Этюдах о жизни» – в среднем 72 года.

Вместе с тем, следует отметить, что чиновники и депутаты на кладбище, вероятно, не ходят – иначе они бы знали, что планка смертности в стране ниже даже установленной Мечниковым, а теперь ещё снизилась.

Да, медицина научилась делать протезы – не только в стоматологии – руки, ноги, глаза... Но человеческую жизнь не протезирует...

4. Домашняя реабилитация...

«Невыносимая лёгкость бытия» – Кундера.

«11 минут» – Коэльо.

«Искусство любви» – Вислоцкая.

«Одиночество в сети» – Вишневский.

"Облако в штанах" – Маяковский.

После операции Саша самостоятельно вернулся домой, на маршрутке. Вечером в воскресенье он отправился в комнату Кати. Та уже была в постели, накрывшись простыней до подбородка.

Саша разделся и подошёл.

Катя подвинулась, оставляя ему место. Он прилёг на простыню правым боком и неосторожно придавил её левую руку, лежащую поверх простыни. Катя тихонько высвободила руку, потом, повернувшись на левый бок, провела правой ладонью по его небритой щеке:

– После твоей операции лежать надо только на спине... – прошептала она ему на ухо.

– Да, врач предупредил – согласился Саша. – Но тогда...

(Всякое хирургическое вмешательство (кроме кратковременного стоматологического) блокирует некоторые процессы и способности человека...)

На следующее утро, встретившись в коридорчике гардеробной между спальней, кухней и ванной, Катюша с радостью первооткрывателя закона всемирного тяготения или, по крайней мере, изобретателя вечного двигателя, заявила Саше, улыбаясь:

– Надо стоя...

Саша помнил, что она с неохотой раньше воспринимала это.

И вспомнил эпизоды, когда они ехали на машине в Лыткарино и обратно.

Остановились за Тулой, на обочине у леса. Катя вышла из машины, перешла овражек вдоль обочины и скрылась за деревьями. Саша, встретив её на полпути обратно к машине, прислонил к дереву и наклонился, чтобы поднять подол её платья...

– А кто увидит?.. – Застеснялась она.

– Кто? Вокруг – сосны и грибы в траве...

На обратном пути всё повторилось, но Катя уже не сопротивлялась.

В машине она сидела рядом, и он иногда правой рукой, левой держась за руль, сдвигал выше её голых коленей край платья.

– Ну, Сашка... – возмущалась Катя, улыбаясь.

Есть вечное единство и борьба противоположностей. Это женщина и мужчина... Как пример параллельных пересекающихся линий неевклидовой геометрии Лобачевского...

Он выбирал взглядом – куда бы её прислонить, чтобы – по её «изобретению». Встали у притолоки входа в спальню.

– Не смотри вниз – тебе нельзя – напомнила Катюша.

– Ну, да – «не смотри», когда там самое интересное – подумал Саша.

Потом прошли в комнату. Катя повернулась к нему, как избушка – к лесу. Опёрлась левой рукой у колена, а правой – на столик швейной машинки...

– ...Мягкий... – констатировала объяснительно Катя через некоторое время.

– М-да... – согласился Саша с сожалением. – Доживём до воскресения...

«Всякое хирургическое вмешательство (кроме кратковременного стоматологического) блокирует некоторые процессы и способности человека»...

Лирическая интерполяция, в качестве

5. Резюме

Природа так устроила, что мужчина способен к эякуляции значительно чаще, чем женщина может рожать.

«Женщина за всю свою жизнь может родить безмерно меньшее количество детей по сравнению с тем, скольким малышам может дать жизнь мужчина.

Евангелие от Иоанна говорит: в начале было слово, и звучало оно – «секс». И добавляет, что слово «секс» должно употребляться как эквивалент слова «познание». (Вишневский).

Отсюда – мужская полигамность (кстати, понятие «полигамность» – женского рода), даже вплоть до сокращения своей жизни, как полагает Мантек Чиа. Но мужчина никогда не откажется от этого удовольствия.

«Неженатые клялись жениться. А женатые сели на лошадей и поехали к своим жёнам, чтобы насладиться ими». (Ксенофонт).

Женни Маркс просила мужа: дать ей отдохнуть хотя бы года полтора, но природа в вождении была неумолима (природа – тоже, кстати, женского рода), и потому жена философа и экономиста рожала ежегодно...

«Весной в деревне»...

Нострадамус, как-то будучи в отпуске в провинции Шампань, задумался о муках творчества писателей любовных романов, и, вернувшись в Париж 8 марта, написал об этом предсказание в письме Кларе (не той, у которой Карл украл кораллы, а другой).

Впечатлительная Клара впоследствии отметила этот день, в качестве международного дня солидарности женщин против... кофе с утра пораньше.

Молодой писатель пришёл в редакцию с толстой папкой подмышкой.

– Вот! – сказал он.

– Что «вот»? – строго спросил редактор.

– Роман написал – застеснялся писатель. – Называется «Весной в деревне».

– Да ну! – обрадовался редактор, развязывая тесёмки папки. – «Весной в деревне» – прочёл он на титульном листе. – Надо же, действительно, так и есть – добавил он и начал читать вслух:

– Ранним утром в спальню графини стремительно вошёл граф. Графиня в это время читала «Влажные участки» Роше. Но, не смотря на это, она сразу узнала графа и не стала спрашивать у вошедшего санитарную книжку.

Граф (решительно): – Ваше графское высочество, а не испить ли нам кофейку?

Графиня (кокетливо): – Ваше графское достоинство, если Вы настаиваете...

И, говоря честно, но откровенно: граф стал-таки овладевать графинею...

– Недурно, недурно – вслух задумался редактор. – Вам удалось зримо показать моральное разложение аристократии. – Только вот... чего-то не хватает... Ах, да! Роман называется «Весной в деревне», а природы-то и нету! Ну какая же деревня без природы? Об этом ещё Пушкин писал.

Редактор встал в позу лицеиста перед Державиным, подобрал пивной живот и с придыханием завыл:

Зима! Пейзанин, экстазуя,
Ренувелирует шоссе,
И лошадь, снежность ренефлюя,
Ягуарный делает эссе.
Пропеллером лансуя в'али...¹

– Вот чёрт – с сожалением прервал свою гениальную декламацию редактор – у Вас же – весна. Ну, идите, батенька – работайте, работайте...

На следующий день автор явился с красными после бессонной ночи глазами:

– Вот, ночь не спал:

Ранним утром в спальню графини стремительно вошёл граф. Графиня в это время читала «Влажные участки» Роше. Но, не смотря на это, она сразу узнала графа и не стала спрашивать у вошедшего санитарную книжку.

Граф (решительно): – Ваше графское высочество, а не испить ли нам кофейку?

Графиня (кокетливо): – Ваше графское достоинство, если Вы настаиваете...

И – говоря честно, но откровенно – граф стал-таки овладевать графинею...

В это время за окном квохтали куры, зеленела травка и петушок искал в навозе ячменное зерно.

¹ Г. Е. Журнал «Сатирикон», 1913, № 52.

Прелестно! – воскликнул редактор. – Природа – особенно. Только вот... Смотрите сами: тема графа и графини раскрыта полностью – загнивающий класс. Но совершенно не показано крестьянство. А где Вы видели деревню без крестьян? Вы уж того, поработайте и над этим, пожалуйста.

На третий день в кабинете редактора появился исхудавший автор с красными глазами и синими кругами под ними:

– Вот, не ел, не спал:

Ранним утром в спальню графини стремительно вошёл граф. Графиня в это время читала «Влажные участки» Роше. Но, не смотря на это, она сразу узнала графа и не стала спрашивать у вошедшего санитарную книжку.

Граф (решительно): – Ваше графское высочество, а не испить ли нам кофейку?

Графиня (кокетливо): – Ваше графское достоинство, если Вы настаиваете...

И – говоря честно, но откровенно – граф стал-таки овладевать графинею...

В это время за окном квохтали куры, зеленела травка и петушок искал в навозе ячменное зерно.

На завалинке сидели крестьяне и сосредоточенно курили самосад.

– Потрясающе! – вскочил с кресла редактор. – Безусловно, только настоящий мастер мог так ярко показать деревенскую жизнь! Однако... Где описание идиотизма тяжкого и беспроектного труда крестьянского населения до революции? И где, я Вас спрашиваю, сама революция? Не раскрыто. Вы уж постарайтесь, голубчик, раскройте...

На четвёртый день, ухватившись руками за столешницу в кабинете редактора, покачиваясь от истощения, стоял бледный автор:

– Раскрыл...

Ранним утром в спальню графини стремительно вошёл граф. Графиня в это время читала «Влажные участки» Роше. Но, не смотря на это, она сразу узнала графа и не стала спрашивать у вошедшего санитарную книжку.

Граф (решительно): – Ваше графское высочество, а не испить ли нам кофейку?

Графиня (кокетливо): – Ваше графское достоинство, если Вы настаиваете...

И – говоря честно, но откровенно – граф стал-таки овладевать графинею...

В это время за окном квохтали куры, зеленела травка и петушок искал в навозе ячменное зерно.

На завалинке сидели крестьяне и сосредоточенно курили самосад.

А кузнецы в красных рубахах, под красным же транспарантом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», задумчиво ковали для колхозных лошадей подковы.

– Всё! – засуетился редактор по кабинету. – Печатаем! Но Вы это... ещё добавьте: взгляд в будущее и уверенность в завтрашнем дне, и срочно ко мне! Бесподобный роман! Жуть!

На пятый день, ближе к полудню по московскому времени под окном редакции раздались вой сирены, и в кабинет редактора вошла медсестра – кустодиевская красавица с медовыми глазами и русой косой, держа на своих девичьих руках полуживого автора с признаками анореksии или раковой кахексии, с трудом удерживающего папку с исправленной рукописью:

Ранним утром в спальню графини стремительно вошёл граф. Графиня в это время читала «Влажные участки» Роше. Но, не смотря на это, она сразу узнала графа и не стала спрашивать у вошедшего санитарную книжку.

Граф (решительно): – Ваше графское высочество, а не испить ли нам кофейку?

Графиня (кокетливо): – Ваше графское достоинство, если Вы настаиваете...

И – говоря честно, но откровенно – граф стал-таки овладевать графинею...

В это время за окном квохтали куры, зеленела травка и петушок искал в навозе ячменное зерно.

На завалинке сидели крестьяне и сосредоточенно курили самосад.

А кузнецы в красных рубахах, под красным же транспарантом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», задумчиво ковали для колхозных лошадей подковы.

– А ну её на хрен – с верой в будущее уверенно сказал один – докуём завтра.

Полигамия художника...

«Стоящая обнажённая».

Как будто фрагмент фрески русской иконописи.

Девичья печаль. Утончённый лиризм.

Доверчивость в склонённой рыжеволосой головке.

Наивное целомудрие и невинность женственности.

Пожалуй, лучшая из картин Модильяни.

Аппроксимация любви образами и Постфактум

Женщина и мужчина – образ двух параллельных пересекающихся линий.

Утерянная преамбула неевклидовой геометрии. «Рассуждизмы и пароксизмы», 70

*...неженатые клялись жениться,
а женатые сели на лошадей
и поехали к своим жёнам,
чтобы насладиться ими.*

Ксенофонт. «Пир»

Заявление Платона (Аристофана) в его «Пире», как и сам «Пир» отличаются от «Пира» Ксенофонта: у последнего – это Сократ с идеологией дружбы и духовности (но и не без «мальчиков»), у Аристофана – миф об Андрогинах.

Во времена Платона, Аристотеля и других «голубые» отношения патрициев – в отличие от плебеев – с юными созданиями мужского пола были практически «узаконены», не составляли тайны и, более того, являлись прерогативой и отличием первых, как бы признаком и доказательством их аристократичности.

Это тривиальное обстоятельство в советском уголовном кодексе имело соответствующую статью. В изложении немецкого писателя польского происхождения Вишневого («188 дней и ночей») результат исторического исследования Аристофана в «Пире» Платона представлено несколько романтизировано:

«Когда-то мужчины и женщины были единым целым, но потом были разделены, поэтому они все время ищут и жаждут единства, называемого любовью».

И Евангелие от Иоанна Вишневский переводит так:

«...в начале было слово, и звучало оно – «секс»», а слово «секс» должно употребляться как эквивалент слова «познание».

Однако, в «Пире» Платона монолог Аристофана выглядит несколько иначе – это миф о первобытном существовании людей одновременно в виде мужчин, женщин и андрогинов, которых (последних) Зевс, разгневавшись на их происки, рассекает на две половины, разбрасывает по всему миру, чтобы они вечно искали друг друга для восстановления прежней полноты.

И упоминающийся в этом происшествии полубог Эрот, есть стремление человеческих половин одна к другой ради восстановления целостности. У Платона это и составляет логическо-философское толкование идеи вещи, как её бесконечного предела в любовных отношениях. Ибо любовь есть вечное стремление, имеющее определённую цель, достигаемую редко и не навечно («из всего вечного самый короткий срок – у любви» – Вишневский):

"И вот когда тела были таким образом рассечены пополам, каждая половина с воодушевлением устремлялась к другой своей половине, они обнимались, сплетались и, страстно желая срастись, умирали от голода и вообще от бездействия, потому что ничего не хотели делать порознь.

И люди, которые проводят вместе всю жизнь, не могут даже сказать, чего они, собственно хотят друг от друга. Ведь нельзя же утверждать, что только ради удовлетворения похоти столь ревностно стремятся они быть вместе.

Ясно, что душа каждого хочет чего-то другого; чего именно, она не может сказать и лишь догадывается о своих желаниях, лишь туманно намекает на них. Причина этому та, что такова была изначальная наша природа и мы составляли нечто целостное.

Таким образом, любовью называется жажда целостности и стремление к ней.

Нашим уделом была целостность, к которой нас ведет и указывает нам дорогу Эрот. Не следует поступать наперекор Эроту... помирившись и подружившись с этим богом, мы встретим и найдем в тех, кого любим, свою половину, что теперь мало кому удается".

Так у Платона Аристофан говорит на самом деле.

Миф был придуман Платоном в т. ч. для объяснения и оправдания гомосексуальности и лесбиянства, которое в то время процветало.

В легенде «о половинках» гетеросексуальные связи (мужчины и женщины) называют низшими связями, не от бога, а вот гомосексуальные связи считают возвышенными и угодными богам.

Религия эпохи Ренессанса использовала этот миф. Стали рассказывать о «неутолимой жажде любви» мужчин к женщинам и женщин к мужчинам. О том, что есть-де у каждого своя половина и т. п. И все это сопровождалось слезами, мечтами и поисками.

Но этим дело не кончилось. В XX столетии отчаянные умы решили прищипандорить к этому мифу еще и «принцип дополнительности».

Мужчина и женщина – это две половины единого целого, которые объединяются знаменитым принципом дополнительности», придуманным физиком и лауреатом Нобелевской премии Нильсом Бором (но – по другому поводу и не в любовной науке, а в физике).

Справедливости ради надо признать, что у мужчины и женщины есть одна, но замечательная «дополнительность» – это конструкция отличающих их органов: одно к другому подходит идеально (марксов закон «единства противоположностей»). Вместе с тем, в «Гинекологии» (ред. действ. чл. АМН СССР проф. Малиновский) на стр. 12 записано: «Механизм эрекции клитора, надо сказать, весьма несовершенный...». Однако, живее, не столь академично обратился к рассмотрению «противоположностей» Моррис Десмонд (зоолог и этолог) в своих книгах "Голый мужчина" и "Голая женщина".

Надо сказать в заключение, что учеными: биологами и психологами, якобы доказано – для совместной успешности в паре достаточно совпадений по 4 параметрам: идеальный партнер, это тот, с кем вы дружите (кого вы можете назвать своим другом не только и не столько, как в социальных сетях), кому вы доверяете (хотя, как можно дружить, не доверяя?), и с кем у вас есть взаимное влечение тела и ума (тоже – в индусском трактате о любви Ананга Ранга «Ветки персика»: «Вторая часть жизни посвящается любви. Три источника имеют влечения человека: Душа, Разум и Тело. Влечение души порождает дружбу. Влечение ума порождает уважение. Влечение тела порождает желание. Соединение трех влечений порождает любовь»).

Можно, пожалуй, добавить от поэта, который "в России больше, чем поэт", что любовь – это "страх потери"). И ещё, психологи говорят, что любовь (образы любви – их столько, сколько людей на планете) делится на четыре фазы: сначала libido – влечение, потом eros – стремление к физиологической близости, затем – philia, или дружба, и в финале – agape, или соединение во взаимном желании добра. Или из «Веток персика»: «Каковы наслаждения любви? Два наслаждения души – причинение и терпение. Два наслаждения разума – влечение и отдавание. Три наслаждения тела – касание, трение и всасывание. Три дополняющих наслаждения – вкус, запах и цвет. Каково состояние, ведущее к любви? Напряжение и страсть. Каково состояние производимое любовью? Облегчение и нежность».

К слову, в связи с указанными первыми двумя фазами: Л.П. Карсавин (религиозный философ) не только не отвергал (как бы по обязанности), но также говорил о необходимости плотской составляющей образов любви.

В «Петрополитанских ночах» Карсавина любовь является ключевой темой (и корреспондируется с «Ветками персика»): «Обладая любимой, он лишь познал и выполнил волю ее быть обладаемой. Обладаемая, она обладала и познала, приняв в себя любимого. Здесь, в плотском этом слиянье завершается глубокое и полное взаимопроникновение нашедших друг друга

душ, в нем едины душевность с телесностью, создается новое истинное тело во Христа и во Церковь, повторяется воплощение Логоса в Невесте Его». (Ну, «созидается...» и далее – это, конечно, не материализм, а совсем даже т. н. «опиум для народа» или «образ любви» Карсавина, за что автор и поплатился – погиб в 1952 г. в лагере)...

Любовь, как понятие – в аппроксимации бесконечным количеством её образов в представлении людей (в прошлом, настоящем и будущем), как на иконах – лики бога, которого никто не видел...

Постфактум.

В интернете появилось лежащее в русле «аппроксимации» и подкрепляющее её, сообщение.

У древних греков (у древних) имелось 8 (восемь) видов («образов») любви:

Эрос,

Филия,

Агапэ,

Сторге,

Мания,

Людус,

Филаутия,

Прагма.

На самом деле т. н. «образов любви» значительно больше: приблизительно 7 млрд. – сколько людей на Земле.

Юбилейная речь

*Поездил я по разным странам,
Печаль моя, как мир, стара:
Какой подлец везде над краном
Повесил зеркало с утра.*

И. М. Губерман

Стенограмма выступления, посвящённого 50-и летию окончания.

(5-е по очереди, поэтому участники уже «подготовились» к восприятию.

Оратор медленно поднимается, одновременно проводя правой ладонью по открытой спине соседки справа – от талии до затылка...

Речь произносит членораздельно и уверенно, но с небольшими паузами).

И снова – здарсьте...

Сейчас я расскажу юбилейный интимный стих... (Оживление за столами).

Не про себя...

Вслух расскажу... Наизусть.

И сообщу рецепт долгожительства.

Но сначала – о юбилее. По Библии – это 50 лет, ни в коем случае: 25, 35 или 70... Кстати, мои ощущения себя – на 27... Если не смотрю в зеркало – особенно с утра «после вчерашнего»... Из зеркала на меня в такие моменты смотрят 216... Вру... Это в прошлом году, теперь – 217...

Докладываю обещанный рецепт – это лучше, чем средство Макропулоса и бесплатно. Желающие могут конспектировать... Чтобы долго жить, надо... не смотреть на себя в зеркало... Вообще.

Теперь интимный стих:

Я дряхлостью нисколько не смущён,
И часто в алкогольном кураже
Я бегаю за девками ещё,
Но только очень медленно уже².

(Случайно в это время не было полного кворума за столами. Отсутствовавшим соседи впоследствии повторили рубаи, но те очень жалели, что не слышали оригинального исполнения).

Поздравляю всех с юбилеем... Большое спасибо за этот замечательный вечер... Будьте здоровы, счастливы и не попадите под машину...

(Речь была выслушана с большим вниманием, прерываясь иногда аплодисментами и криками: «Браво, ура, многая лета, горько, банзай и слава»... Кое-кто пытался записать рецепт на скатерти вилкой).

Когда было сказано о зеркале, девушки поднесли салфетки к глазам, чтобы промокнуть потёкшую тушь.

По окончании речи все встали и выпили стоя.

Застолье и выступления на летней веранде продолжились почти до утра с перерывами на выходы из-за столов по техническим причинам, покурить, размяться и потанцевать.

² И. М. Губерман.

На эстраде оркестр исполнял известные мелодии, солист и солистка оркестра – популярные песни.

Праздничный вечер завершился десертом, т. е. сладкими поцелуями на прощанье – до следующего банзая, т. е. юбилея.

Камо грядеши...

Вот что такое ум? Возможно – это мысль (логика) и память? Как говорится, умный в гору не пойдёт... Джордано Бруно сгорел. А Галилей остался...

Или что такое, кстати, мудрость? Мудрость – это может быть знание и умение? Однако, не все. Понятно ли?

Quo vadis, Domine? Камо-gryadeshi?.. Камо грядеши, Господи?.. Куда Ты идёшь, Господи? (Иоан. 13:33–36).

Из апокрифических «Деяний Петра» следует, что когда апостол во время гонений императора Нерона на христиан покидал Рим (почти все христиане в Риме были убиты по приказу императора после великого пожара), он, якобы, встретил Христа (на месте существующей ныне церкви Домине-Кво-Вадис), к которому обратился с вопросом: «Куда Ты идёшь, Господи?» (Quo vadis, Domine?). Услышав ответ: «За то, что ты оставил Мой народ, Я иду в Рим на второе распятие», апостол попросил разрешения у Христа идти с ним (Domine, tecum veniam).

По прибытии в Рим Пётр был распят вниз головой и мученически умер.

Нет Нерона и нет Петра, а базилика на Ватиканском холме стоит до сих пор, и у Капенских ворот Рима – небольшая часовня с полустёртой надписью и бюстом Сенкевича – автора романа «Камо грядеши» – который поставили его земляки. Камо-gryadeshi.

Камо – ударение на «а». КамО – ударение на «о». КамО – партийный псевдоним Симона Аршаковича Тер-Петросяна. В 1907 году был арестован в Германии, искусно симулировал сумасшествие и нечувствительность к боли. Врачи загоняли ему иглу под ногти. Он не реагировал. Раскаленное добела железо приложили к оголенному бедру испытуемого. Тот же результат. Но профессор заметил, как зрачки у испытуемого расширились. Значит – пациент их обманывает, он чувствует боль. И совершенно потрясённый невероятным терпением и волей арестанта, с раздражением сказал ассистентам, чтобы прекратить мучения Камо, что не выносит запаха палёного мяса...

Воля – это то, что с хрустом ломает «осознанную необходимость», как зверь (собака, волк, тигр или лев) разгрызает кость...

Имеет место быть мнение (как крайность), что если человеку постоянно говорить: – Ты свинья – то он, в конце концов, захрюкает.

С точностью до наоборот (и это уже не крайность, а сермяжная правда жизни): если о человеке не напоминать, то он может даже и не существовал (как было сказано: нет памяти – нет человека).

Да вот и пример: кто помнит или что-то знает о Камо, Рахметове, Риваресе и его прототипе, Бруно, Дзержинском, Александре Ульянове... – живших сравнительно недавно или совсем недавно?.. Но о Петре и Павле знает или слышали, читали немалое число людей, глубокомысленно кивающих: – Да, были люди в наше время... Хотя тому – более 2-х тысяч лет, а Павел вовсе даже Савл – жестокий гонитель христиан до того, как стал Павлом...

В своё время был замечательный фильм «Лично известен», но хотя это было недавно, это было давно. Политики не вечны, изменяется политика – всё временно, как сказал бы Экклезиаст или «всё мгновенно, всё пройдёт...» – Пушкин. Церковь вечна... Потому что вечно ожидание людей – если не манны небесной, то хорошей жизни, если не на земле то уж, по крайней мере – на небе.

Соня и другие...

11 января Соня, подойдя к двери – из тёплой кухни на холодную веранду – тихо попросила выпустить. Потом с трудом перешагнула порог, сделала полтора шага и легла правым боком на коврик холодной веранды.

Она уходила, чтобы не видели, что она умирает...

Первым из семейства кошачьих у нас появился Пушок. Мама принесла его в носовом платочке от тёти Маруси, которая жила в шахтёрском посёлке шахты № 13, в пригороде Сталиногорска.

Летом мы жили тогда во времянке при строящемся с переменным успехом шлако-заливном доме в посёлке им. Вахрушева, в полутора километрах от города. Дом имел под собой

громадный подвал – по замыслу папы – будущую кухню (о моём участии в строительстве и почти смертельном случае со мной же в этом подвале – чуть ниже). Временка представляла собой деревянное сооружение из одной комнаты-кухни, прихожей, отдельного помещения для птицы, полатами в «бель-этаже» и чердаком, на котором размещалось большое количество кроликов. В «отдельном помещении» также иногда размещались кролики. Помню, на кухне также бывали куры с петушком. А ещё помню, что там один раз видел алюминиевый молочный бидон, в котором, как оказалось, была брага, на выгонке из которой домашнего спирта мне довелось присутствовать. Папа накапал в столовую ложку продукт дистилляции, поднёс зажжённую спичку, и жидкость вспыхнула невысоким пламенем зловеще-голубого цвета. Теперь знаю, что указанный дистиллят готовился для частичной оплаты работ на стройке дома.

На полатах спали, там же я спрятался от родительского гнева после пассажа с петушком. Мальчуганом я был подвижным и «любопытательным». Когда куры во главе с Петей гуляли по двору, мне – тогда дошкольнику – взбрела в голову мысль – настолько же захватывающая любопытством, насколько глупая – попасть в петуха с некоторого расстояния чем бог послал. С первого же раза или со второго – это у меня не отчётливо – но в Петю я попал-таки. Причём, в такое место и так удачно, что ближе к вечеру, когда родители обнаружили странную и неожиданную дефективность петуха, у нас появился ветеринар, который произвёл какие-то манипуляции с петушком (наверное сделал тому какой-то укол), получил что следует за хлопоты и кажется «угостился» в прихожей временки.

К тому времени, в предчувствии смертной казни (мама была женщина не сдержанная, к тому же её сынишка проделал брешь в семейном бюджете и чуть ни угробил прекрасного петушка), я «спрятался» на полатах. Из разговора, что происходил между родителями и ветеринаром, я уловил слова о том, что, мол, не трогайте его сейчас – пусть спит (я притворился спящим и признаков жизни не подавал). Не знаю наверное, к кому отнесены были эти слова: ко мне или к спасённому петуху, но, как видите, остался жив (Петя – тоже), пришлось только утром признаться в содеянном.

В строительстве дома принимала участие вся семья – даже я. Например, мы с папой вёдрами носили воду из колодца – метров за 200 от нашего дома, по разрешению хозяев этого колодца. Конечно, было тяжело и неинтересно.

Про «пассаж» в подвале. Подвал был огромный – почти подо всем домом и глубокий: метра 2, приблизительно. Вот там мне было интересно. К слуховому окошку зачем-то оказалось подставлено бревно, и меня мои непоседливость и любопытство толкнули на это бревно – возможно, чтобы выглянуть в окошко и узнать, что делается на огороде. С бревна я натурально сорвался, а т. к. под ним оказалось битое стекло и голова моя покою мне не давала, то тут же вся детская физиономия была залита кровью, лившейся из раны на лбу.

Кажется, я не заплакал, но явился перед мамой несколько ошарашенный. Что с ней стало – это трудно передать. Она схватила меня на руки и в чём была помчалась в город, в поликлинику. Помню, т. к. я мотался на мамином плече спиной по ходу, встречные не видели причины такого моего не джентльменского положения, одна сердобольная тётенька даже сказала: – Такой большой, а мама тебя тащит... Но когда она зачем-то обернулась на нас и увидела мой фас – весь в крови – с ней стало плохо.

В поликлинике доктор, пожалев меня, сказал, что рану зашивать не будет, чтобы не мучить ребёнка, а наложит стягивающую повязку и этим пока ограничится (может мне сделали соответствующий укол, да и кровь уже остановилась). После этого на моём лбу остался шрам (впрочем, не единственный), на память о моей глупости. А когда я уже учился в школе – это 7-й или 8-й класс, директор школы с большой любовью и даже уважением, отбросив всякую дипломатию, прямо говорил обо мне: – Умная голова. Но дураку дана.

Пушок оказался замечательным дымчато-белым сибирским котом. Рос не по дням, а по часам – что называется – на обрезках кроличьих тушек и свежей – прошу прощенья – их же

крови. Мы бегали с ним в пятнашки по центральной тропинке огорода, у забора которого я иногда останавливался, чтобы поболтать с соседкой, тётей Дуней, которой докладывал, как на духу, что никогда не женюсь, на что та качала головой и говорила не в том смысле, что «этого не может быть никогда», а туманно намекала на некую особенность взаимоотношений мужчины и женщины, с тем подтекстом, которого тогда я не понимал, но который ставил мужчину в некую зависимость от противоположного пола...

Надо, однако, объективности ради, отметить, что тётя Дуня жила одна, что накладывало печать сомнительности на её тезис о зависимости... Так или иначе, я в то время, несмотря на юный возраст или наоборот – благодаря ему, уверенно стоял на своём в отношении женитьбы, и продолжал занятия с котом, не сомневаясь в своём светлом и не зависимом от женского персонала будущем.

Пушок, в отличие от меня, был умён не по годам: проходя вдоль грядки с капустой, он поднимал лапой нижние листья, собирая с них зелёных гусениц и тут же их съедая, чем условно оказывал помощь нашей семье. Пушок жил с нами и зимой, в городской коммунальной квартире. Ему первому я сообщил печальную новость, когда почтальон принёс телеграмму о смерти в Москве моего брата (о котором позже написал книжку), после операции на сердце.

Когда я уже стал взрослым и работал в проектно-институте, появилась годовалая Сима – сиамская кошка, которая досталась мне по протекции девушки, с которой соседствовали кульманами. С большим трудом Сима была доставлена на новое место жительства, т. к. всячески старалась вырваться и царапалась. В первый же вечер она начала орать так, что долго выдерживать её скрипучее сопрано не было никакой возможности – особенно с учётом наличия соседей – поэтому Сима была отправлена за окно первого этажа на волю. Как же я был удивлён, когда на следующее утро обнаружил Симу, сидящую под окном, из которого она была выпущена накануне.

Так продолжалось с практической регулярностью, что приносило нам не только спокойствие по ночам, но и соответствующее прибавление в семействе... Котят раздавали по знакомым.

Сима настолько освоилась, что присмотревшись, как открывается комнатная дверь – при помощи нажатия на ручку задвижки – кошка забиралась на спинку дивана около двери, нажимала правой лапой на ручку, дверь приоткрывалась, Сима слезала с дивана, просовывала левую лапу в образовавшуюся щель и открывала ею дверь, чтобы выйти.

Ещё мы вместе ходили в магазин за продуктами: Сима шествовала по обочине тротуара, как бы охраняя, перед дверью магазина останавливалась и ждала. Затем, по команде: – Сима, домой – следовала в обратном направлении.

Пушок пропал в неизвестности.

С Симой произошёл трагический случай – прямо на моих глазах. Она уже была большая кошка, но также сопровождала действия хозяев. Как-то зимой вывешивали бельё на балконе, балкон тогда не был ещё застеклён. Сима перешла с ограждения балкона на наружный подоконник. Порыв ветра, и Симу сдуло с обледенелого подоконника пятого этажа... Я помчался по лестнице, сломя голову, вниз. Сима попала в сугроб, но снег был с гололедицей... Принёс ещё живую домой, положил боком на низкий стульчик. Сима смотрела на меня печальными голубыми глазами, как бы говоря:

– Эх, ты, Петя – Митин брат.

Умерла Сима через несколько дней. Думаю, все внутренности у неё от удара были смещены, а может быть, и оторваны, что и привело к летальному исходу.

Через какое-то время у нас появился котёнок – пушистый сибиряк, Рыжик. Он отличался тем, что воду пил из-под крана, подставляя свою мордочку. А ещё играл, как собака: надо было бросить мячик, Рыжик бежал за ним, брал его в рот и приносил для повторного апорта.

Рыжик периодически выходил самостоятельно гулять: его выпускали из квартиры на пятом этаже, он спускался на первый и ожидал, когда кто-нибудь откроет ему подъездную дверь. Возвращался он под утро, и проделывал это своеобразно: повисал на входной двери квартиры снаружи, цепляясь когтями, в ожидании, когда его впустят. Иногда в дверь звонили соседи, видя висящего на двери Рыжика.

Как-то летом, выглянув в кухонное окно, я увидел лежащего во дворе между домами, как будто Рыжика. Спустился к нему. Да, это был Рыжик – или задавленный собакой или кем-то убитый... Похоронили Рыжика в могилке на холме, над оврагом, сверху положили большой камень...

Потом была Люся. Симпатичная пушистая и реактивная кошечка. Последнее и сгубило её. Люська, играя, прыгнула на ограждение балкона, а с него – на верёвки для сушки белья... Пятый этаж...

Маркизу было уже три года, когда нам его принесли. Это был большой и сильный сибирский серо-белый кот. В первый день дичился, забрался под диван, не выходил, рычал, из пасти текла слюна... Замечательным оказался товарищем. С учётом того, что нам ещё подбросили и Соню, станет очевидным появление у этой пары прелестных котят – смеси сибирского и ангорского.

Маркиз не был привередлив к еде. Тогда был очень домашний, с розовыми подушечками на лапах. Если зимой его выносили из квартиры и отпускали на снежок, он опрометью возвращался в подъезд дома и мчался по лестнице вверх. Направление квартиры определял верно, но ошибался этажом.

После покупки нами дома с небольшим участком земли при нём и переезда Маркиз на новом месте освоился быстро. Он не только пометил всё во дворе дома, но и навёл порядок в округе, разогнав всех котов («он уважать себя заставил»). Обходил регулярным дозором свой квартал и захаживал на соседние. Иногда по ночам был слышен его боевой крик – приходилось выходить, разливать водой враждующие стороны. Очевидно, результатом подобных разборок или обходов стало то, что положение рёбер у Маркиза несколько нарушилось, а одно ребро было сломано. Но как-то срослось и обошлось.

Летом днём Маркиз иногда дремал на своём или соседнем участке, переворачиваясь с боку на бок на солнце или уходил в тень, или возвращался в дом, где была прохлада. Мышей ловил и съедал, крыс давил и оставлял у входа в дом, в качестве демонстрации исполнения своей службы, в отличие от Сони, мышей принципиально игнорировавшей.

Был нетороплив и даже флегматичен. Однако, с мгновенной реакцией.

Все котята у Сони и Маркиза рождались – с густой мягкой шелковистой шерсткой, как у Сони или с шерстью жестковатой, как у Маркиза, и быстро разбирались по объявлениям. Маркиз жил у нас долго, ему было уже лет 15–16.

Умер Маркиз ночью.

Сначала он с коврика у ступенек в другую половину дома, обессиленный болезнью и голодом, переполз в гостиную. Там недалеко от порога упал на левый здоровый бок (на правом была кровоточащая опухоль размером с небольшую сливу). Отдохнув и собравшись с какими-то силами, он добрёл до дивана, на котором иногда спал в уголке, и попробовал на него забраться. Не смог и повис, зацепившись когтями. Я поднял его на сиденье дивана, он грузно упал на лапы и бессильно ткнулся носом в ткань обивки. Потом как-то перевалился на здоровый бок. Ночью его не было слышно, лишь Сонька жалобно мяукала у дивана, на котором умирал Маркиз. Несколько раз я подходил к дивану. Дыхания Маркиза не было слышно даже если приложить ухо к его исхудавшему телу. Но при электрическом свете дыхание было заметно по движению густой шерсти на впалом боку. Глаза были полузакрыты.

В третьем часу ночи тело Маркиза стало холодным и застывшим, лапы не сгибались, бок, на котором раньше определялось дыхание, совсем провалился... Я закрыл Маркизу его добрые глаза... Сейчас подумал, что не помню какого цвета они были...

Маркиза упустили. Может быть его можно было бы спасти, обратиться вовремя к врачу.

Некоторое время назад, надо полагать – из-за попавшей в ранку инфекции, развилось у него некое рожистое воспаление около правого уха с почернением участка омертвевшей ткани. Тогда также думали: «заживёт как на собаке». Однако обратились всё-таки к врачу. Тот успешно удалил под наркозом омертвевший участок, и Маркиз вскорости восстановился.

В этот раз обратили внимание на то, что Маркиз как-то уж много и подолгу спит на диване кухонного уголка и совсем мало ест. Однако, и раньше ел немного, а сон объясняли тем, что была поздняя осень: сырость, мокрый снег, сумрачность. Потом из-за случайно увиденной царапины и небольшого подтёка лимфы на боку обратили внимание на опухоль. Прикладывали листы алоэ. Но очевидно, процесс зашёл далеко и прогрессировал быстро. Когда это поняли и видя тяжесть болезни и вероятное предсказуемый финал, решили, что лучше не мучить животное медицинским вмешательством, которое вероятное свелось бы – всё равно – к печальному исходу, оставили статус кво.

Маркиз стоически переносил болезнь. Соня иногда мяукала из жалости... До последнего, пошатываясь, ходил в свой туалет... Кормили его с ладони... Умывали и поили освящённой водой... Маркиз передвигался, шатаясь, останавливался на подгибающихся от слабости лапах... Потом он уже и мягкий корм не принимал и пить перестал... Тихо умирал. А сильное сердце продолжало биться... Организм сибиряка сопротивлялся смерти, цеплялся за жизнь, не был согласен с биологической «справедливостью».

Прошло, как обнаружили у Маркиза опухоль, несколько дней. Однозначно можно сказать: Маркиз ещё мог бы пожить... Что стало причиной преждевременного конца: рак, саркома или что-то подобное. Возможно – заражение. Впрочем, смерть причину найдёт...

Похоронил Маркиза за калиткой, между молоденькой сосенкой и яблоней 28 декабря. Грунт был оттаявшим, как будто плакал об умершем.

Положил на могилку несколько камней, присыпал снежком, постоял...

Уже в последнем замесе у Сони и Маркиза – после смерти Маркиза и последней физиологической возможности Сони – родилось четверо котят: одного Соня задушила (возможно, от невозможности прокормить всех), двое совершенно белых, как она – мальчик и девочка и один рыженький с белым. По объявлению за кошечкой приехала девушка, но когда увидела и второго такого же, упала на колени и потребовала отдать ей обоих, т. е. братишку и сестрёнку – сказала, что одного – для своих родственников. Себе оставили рыженького. Это был Рыжик 2 – кот с поразительно пушистым хвостом, как у белки. Как и его отец – Маркиз, Рыжик 2 немногословен, поддерживает порядок в округе (случайных гостей во дворе не наблюдает), ловит мышей и давит крыс, которых иногда приносит под дверь – для демонстрации своей деятельности, каждую ночь уходит на службу...

Соне по её смерти было лет 17...

Кошки не хотят, чтобы кто-то видел, как они умирают, кошки уходят туда, где можно спрятать свою смерть и умирают молча...

Я поднял Соню в холодной веранде и перенёс в её домик в комнате. Какой сильный инстинкт: Соня – ангорская, теплолюбивая кошка, но ушла из теплой кухни на холод, чтобы умереть без свидетелей.

У Сони несколько лет назад образовалась киста на животике и она была беременна последний раз... Ветеринар по поводу кисты сказал, что, во-первых, кошке не больно, во-вторых, пусть родит, а уж тогда займётся кистой. Потом, учитывая возраст кошки, решено было не мучить её операцией и предоставить естественному ходу вещей.

Смерть наступала долго, внешне это проявилось потускнением шерсти Сони – ранее блестящей и пушистой, слабостью, малоподвижностью и долгим сном, неразборчивостью туалетного места...

Соня лежала в открытом домике на правом боку... Одиннадцатого января в 16 часов я закрыл Соне глаза.

Хоронить Соню было невозможно – земля промёрзла. Завернул её в белую простынку, положил в полиэтиленовый мешок, отнёс до весны под сливу, забросал снегом и укрыл временную могилку шиферными листами. Весной схороню в земляной могиле, как и Маркиза, и недалеко от него.

Не надо впадать в отчаяние...

«Октябрь уж наступил...»

А.С. Пушкин. «Осень»

Человек свободный ни о чем так мало не думает, как о смерти, и его мудрость состоит в размышлении не о смерти, а о жизни. Спиноза, Этика, ч. IV, теор. 67.

Эпиграф Эрвина Шрёдингера к лекциям 1943 г. "ЧТО ТАКОЕ ЖИЗНЬ с точки зрения физики?"

Работал на крыше склада парашютов – это около 4 м. над полем аэродрома, как над уровнем моря. Залезал туда со стремянки, а т. к. высота стремянки – 3,25 м., то на необходимый «уровень» надо было ещё и запрыгнуть.

Облокотился локтями на «уровень», подтянулся и, оттолкнувшись, «запрыгнул».

Встал на ноги, а когда вытягивал на крышу кабель (от артскважины), для ремонта которого и полез, услышал специфический звук упавшей алюминиевой конструкции. Вернулся сверху посмотреть, – что бы это значило?

Такая совпадения: стремянка, задетая кабелем, упала...

Путь к возвращению на грешную землю невозможен.

«Всё, можно впадать в отчаяние».

Что делать? – этот, первый из двух сакральных вопросов, присущих русскому человеку, категорически взбудоражил меня до потери сознательности. Но второго – кто виноват? – не возникло, т. к. на крыше был в одиночестве, если не считать больших птиц, кружащих надо мной. Нет, это не были коршуны или тому подобные стервятники, чтобы поживиться мною, умершим от голода и жажды, т. е. чтобы склевать меня (хотя мною можно было подавиться – если Маяковский говорил о себе: «Я из мяса и костей весь», то во мне сравнительно больше второго из упомянутого рагу – может потому, что купили в магазине).

Это были аисты – из сочувствия, может быть, собиравшиеся отнести меня кому-нибудь в подарок (в противоположность тому случаю, когда моя мама – по её рассказу – нашла меня на острове, около коровы, которая зализывала вторую макушку – эта мамина наивная метафора составляет, тем не менее, историческую правду, т. к. макушки образовалось две – вторая надо лбом, которая и является, якобы, результатом парикмахерской деятельности упомянутой коровы).

Кроме аистов – в воздухе, мне молча сочувствовали – на поле аэродрома, сиротливо стоящие несколько самолётов.

Если спрыгнуть – можно разбиться, т. к. земля мёрзлая и бетонные ступени на расстоянии прыжка.

Пошёл по пресловутой крыше по периметру: два-три места позволяли как бы спастись, но при этом обещали покалечить.

Передо мной замаячила перспектива голодной смерти в одиночестве (не в яме, но и без Аиды).

«Да, есть из чего впасть в отчаяние».

Ещё побродив по крыше с печальной мыслью о превратностях судьбы и загробной жизни, обнаружил близко растущее дерево и вспомнил барона Мюнхаузена. Одно из двух: либо он утонул бы в болоте, куда угодил вместе с конём, либо... одно из двух (как говорил ироничный Швейк: «... либо пациент жив, либо пациент мёртв»).

Все знают, что выбрал Мюнхаузен. Правильно – жизнь, потому что голова у барона была думающая, а рука сильная – и он вытащил себя за волосы из болота, разумеется, вместе с конём.

Очевидно невооружённым глазом, что мне далеко до милого моему сердцу Мюнхаузена, во всех смыслах, но я последовал его примеру и предпочёл жизнь, потому что ничего ещё не успел совершить героического – даже пообедать сам и накормить Джемму, вернуть долги, обнять кого-то и даже написать эту записку.

Коротко говоря, попёрся к дереву – спускаться. Как – это надо рассказывать отдельно и в другом месте. Однако, не буду преувеличивать своё достижение: спускался-то я без лошади (правда, у меня была нелёгкая сумка с инструментом, которая оседлала меня, как барон – своего коня).

Да, а ведь спустился-таки – несколько ободранный, но в общем – без потерь, чтоб, как было сказано поэтом: «ногою твёрдой встать при море» (в моём случае – при аэродроме).

Опять нет повода не выпить.

К чему привело это эпохальное событие, почти героический поступок, мини подвиг, удачно завершившийся?

К философскому резюме: чтобы что-то получить, надо чем-то пожертвовать (как в шахматах: количеством – за качество или в моём случае – ободранностью за спасение, хотя бы и временное).

Что сказал персонаж в «Особенностях национальной охоты»? Он сказал:

– Не надо впадать в отчаяние. Найдём.

В несчастьях можно утешаться тем, что самый тёмный час – перед рассветом.

Об образах любви и бога

Человечество придумало бога и его образ. Почему? «Идея бога самая простая – кто всё это сделал. Нет чудес – всё чудо». Вместе с тем, «Иисус Христос не был бы богом, если бы не умер на кресте».

Житейским умом представить и понять бога если не невозможно, то также трудно, как... теорию относительности или бесконечность, или Вселенную (их оказывается – не одна)... Человечество поступило рационально: создало его образ и всё стало понятным и конкретным (бог стал видим и осязаем).

Ровно тоже произошло (придумано человечеством) во взаимоотношениях женщины и мужчины. Как совместить это несовместное, «единство и борьбу противоположеностей»? Придумано некое понятие и «образ любви». Это ровно то, что было сделано для ощущения и видения бога: вот имя, вот образ.

Но «любить – единственное и неповторимое свойство феномена человека» (Вишневский).

Наивно то и тогда, если придуманный образ приравнять к оригиналу.

Придуманное – слово, образ. Это – не обман, однако – это упрощение для понимания (как в шахматах – стремление к сокращению фигурок на доске). А изначально и психологически то, что обозвали любовью (которая представлена, в качестве образа для облегчения понимания и общения) – Вселенная, бог, бесконечность.

А в случае принятия образа и обращение к иконе с мольбою – последовательно, и физиология отношений естественна.

Взаимопроникновение – это последовательность, логика.

События развиваются по фазам: «сначала *libido*, влечение, вождление, потом *eros* как стремление к высшей форме эротической близости в союзе двух, затем *philia*, или дружба, и в конце *adae*, или соединение во взаимном безусловном желании добра друг для друга» (Вишневский).

Итак, образы бога и любви – и то, и другое придумано для упрощения, для возможности объясниться. На самом деле – это отражение, синоним, проекция на сознание (любви, как и бога) в образах, слове...

Диалектическое болеро

Уникальный фолиант 16-го века, изданный во Франции, но на русском языке, с «ятями». Несколько сотен листов, коричневый кожаный потёртый переплёт с пряжкой жёлтого металла и вставленными в обложку цветными камешками, из которых осталось несколько: жёлтого, зелёного и красного цвета, а также прозрачные, сверкающие на свету – лучшие друзья девушек, и с гнёздами – от отсутствующих. Напечатан фолиант в издательстве и типографии Нострадамуса, ещё при его жизни, с автографом, в котором автор упоминает настоящее время.

Небольшой отрывок из книги, по прочтении которого становится ясно, что – это беллетризованное изложение катренов.

Полное название фолианта:

«Диалектические болеро – спираль развития частной собственности, семьи, любви и государства».

Ремарка.

Во Франции практиковал после Нострадамуса врач, некий Гали Матье. От него, говорят, в России пошло выражение «галиматья». Упомянутый мсье лечил разговорами, болтовнёй и всякой ерундой. И что характерно, были случаи – пациенты выздоравливали.

А собственно «Болеро» Мориса Равеля – это музыкальная иллюстрация диалектической спирали, музыкальное представление в отличие от словесного. Замечательно «Болеро» в исполнении оркестра Ленинградской филармонии под управлением Евгения Мравинского.

Вместе с тем, необходимое предупреждение для слабонервных родителей: во-первых, отправьте детей спать, во-вторых, приготовьте на всякий случай коньяк, валидол, йод, бинт, валерьянку, нитроглицерин или другие подручные народные средства, и только после приступайте к чтению.

Предисловие к книге (отрывок):

Когда это будут читать в 21 веке, в России уже опубликуют или разместят в интернете: «Апокрифы», «Ветки персика», «Красную звезду», «Разговоры запросто», «Озорные рассказы», «Декамерон», «Гаврилиада» и т. п.

Глава... Параграф...

Ранним декабрьским морозным утром дворецкий заглянул в приоткрытую дверь спальни графини. Графиня сладко посапывала, разметавшись на громадной кровати под балдахином. В спальне было жарко натоплено.

– Ни хрена не берегут энергоресурсы – пробормотал на ломаном русском дворецкий – а экономика должна быть экономной: нефть кончается, газ – на исходе... – И тихо, на цыпочках протиснулся в приоткрытую дверь спальни. Если бы графиня проснулась и даже взглянула по направлению к двери, она ничего не увидела, кроме черноты, в которую упиралось микшированное излучение инфракрасной лампы из «красного угла» перед иконой Сергия Радонежского. Галогенные свечи в канделябре и подсвечниках были погашены перед сном самой графиней после чтения на сон грядущий «Государства» Платона, где тот писал об общих жёнах, как идеальном устройстве государства.

Граф был в командировке, а Эзоп – так звали по рождению дворецкого, но получившего у графа имя Позэ и Озик – у графини, происходил из семьи афроленинградцев. Эзоп был эфиопом (его вывезли в Первопрестольную из второй столицы).

Озик мягко, как кот приблизился к алькову графини. Графиня тихонько застонала во сне. Эзоп положил свою светлую – по сравнению с тыльной стороной – огромную пятерню на бело-розовую округлость, открытую задремавшейся ночной сорочкой.

– Вам кофе – в постель...или – куда? – спросил Эзоп с придыханием. Графиня сонно ответила:

– Туда, туда, мой хороший.

Эзоп аккуратно поднял, сползшее на пол, пуховое одеяло графини.

– Как можно, в такую жару – пробормотал он – Нет, не берегут эти графья наше национальное достояние и птиц не щадят. Не могут «верхи», вот мы не захотим, наконец; и будет вам революционная ситуация.

Он слегка пошлёпал рукой там, куда он её положил, потому что в это время раздалось мелодичное: – «Ау, Ау-у-у» видеотелефона.

– Звонят – сказал при этом Эзоп. Графиня почти проснулась, спрыгнула с кровати, сразу попав ступнями в свои атласные шлёпанцы с пуховками наверху, и приняла вертикальное положение. Эзоп она не заметила в темноте, да и мерцающий свет объёмной цветной голограммы не давал возможности что-то увидеть, а лампада с иконой находилась позади дворцового.

В голограмме был граф:

– Как ты там, моя радость?

– Ничего идут дела, голова пока цела – ответила графиня цитатой из детской книжки, подавив гримасу зевоты преждевременного пробуждения.

– А у тебя, милый, что нового на Марсе?

– Что тут может быть «нового» без тебя, Аэлита? Всё – в красном цвете, как наша спальня...

Эзоп шевельнулся к кровати графини, звякнув хрустальным графином с шербетом, охлаждаемым микроволновым холодильником на прикроватной тумбочке...

Глория Дей

*Беги по небу.
Только не упади.*

М. Фадеев

Его усадили на этот страшный, с подлокотниками – как электрический – стул. И опять эта дурацкая процедура. Снова эти штатские в костюмах универсального серого цвета. И доктор с медсестрой во всём белом.

– Игорь, расскажите нам, пожалуйста, вашу историю – попросил один из штатских ровным спокойным голосом.

– Я же её... уже тысячу раз. И вам, и докторам. – Простонал тот, кого назвали Игорем. Он был заметно измучен, неровно сидел на стуле, согнувшись, будто его тошнило, с лицом такого же цвета, как костюмы допрашивающих.

– Понимаем... Но это необходимо. Для дела. Прошу вас, пожалуйста.

– Ладно... – хрипло согласился Игорь.

Он обречённо задумался. Взгляд потухших глаз как будто ушёл в себя.

– Давно... Встретил Наташу...

Это имя Игорь произнес, наверное, так, как верующий в молитве – «Отче наш».

– Весной. Солнечно, пахло черёмухой... или белой акацией... Наташа дала мне свой телефон... номер телефона. Через день позвонил и пригласил в парк. – Игорь выпрямился на своём «электрическом» стуле, взгляд его ожил, и он мечтательно продолжил:

– У нас в городе замечательный парк: с водоёмом, у воды богатыри – из цельного дерева вырезанные – стоят, вокруг – деревья, детская железная дорога, здесь же – исток Дона... – И умолк, задумавшись.

Доктор и медсестра отошли к столу у окна рядом с топчаном под белой простынёй и такой же подушкой.

Игорь очнулся когда доктор и медсестра, садясь, задвигали металлическим ножками стульев по кафельному полу.

– Так начался наш роман. Не рассказ и не повесть... Встречались по выходным, иногда по будням – после работы. Цветы, конфеты – ассорти... Кафе. Как это обычно бывает. Кино, театр, на концерты, в парк, на выставки. Она была чудесной девушкой. Я не смогу её описать. Была похожа на фею, лёгкая, как белые облачка в голубом небе...

Оказалось, она работала в той же высотке, где располагалась наша фирма. Почему я её раньше не видел? – рассеянно пробормотал он. – Хотя и не мудрено: суета...

А ещё, знаете, она мне как-то сказала... не знаю, как бы смеясь, что она, когда ей плохо, бродит по облакам. Понимаете? По облакам...

– Ваши отношения были близкими? – осведомился один из двоих.

– Вы хотите знать, насколько? Мне кажется, я... Без неё мне было плохо, а с ней – хорошо...

– Что же произошло?

По выражению лица Игоря было заметно, что он – в некой прострации.

– Потом? – очнулся он после повторения вопроса.

– Потом – тихо повторил он – на концерте, к нам приехал японский джаз... Не знаю, как я там оказался без Наташи. В антракте ко мне подошла девушка. Она сказала, что знает меня, у нас оказались общие знакомые. После концерта мы вышли вместе...

– Дальше – подтолкнули, остановившегося Игоря.

– А что «дальше»? – скривился тот – Известное дело... – Но продолжил с паузами и выговаривая слова, как ребёнок – по слогам:

– В тот же вечер... мы по-ехали к ней...

– Утром вы проснулись в одной постели? – с иронией подсказал Игорю один из серых.

– А? – Игорь поднял на него свой потухший взгляд.

– В общем – да... – ответил он печально. – А Наташа пропала.

Игорь сжал голову руками.

– Как долго это продолжалось? – напомнили ему о себе серые.

– «Недолго музыка играла» – с усмешкой промолвил Игорь. – Мне надо было вернуть Наташу. Звонил ей, но она не отвечала.

Купил как-то большой букет цветов, которые ей очень нравились: розы, жёлтые, «Глория Дей». Зашёл в офис, где работала Наташа... с букетом... В перерыв. Там сказали, что она только что вышла...

– И куда же? – Поинтересовался один из серых.

– Поехала на лифте. На... на крышу, она и раньше иногда поднималась туда...

Игорь пробормотал что-то несвязное, и из глаз его вдруг потекли слёзы. Серый тронул Игоря за плечо.

– Я побежал к лифту... – продолжил Игорь.

Там, на крыше я стоял, дурак-дураком с этим букетом... Ветер чуть не сдувал меня вместе с ним. Наташи не было.

Случайно увидел её... – Игорь поперхнулся.

На небе. Она... она... – Он зарыдал.

– Она... гуляла по облакам. Это невозможно. Невероятно! По облакам... Через улицу от нашей высотки... Я крикнул... Наташа оступилась... И... Начала падать...

Дальше речь Игоря разобрать уже было невозможно: какие-то горловые клокотания. Врач прибегнул к шприцу, затем он и медсестра уложили допрашиваемого на топчан.

Двое в серых костюмах вышли из кабинета.

Первый задумался:

– Опять ничего нового. Симулирует? Убийство?

Второй ответил в унисон:

– Чёрт его знает... Но нет мотива. Врач оценивает его состояние, как нервный срыв.

Может и правда: любовь-морковь...

Первый, как бы закрывая дело:

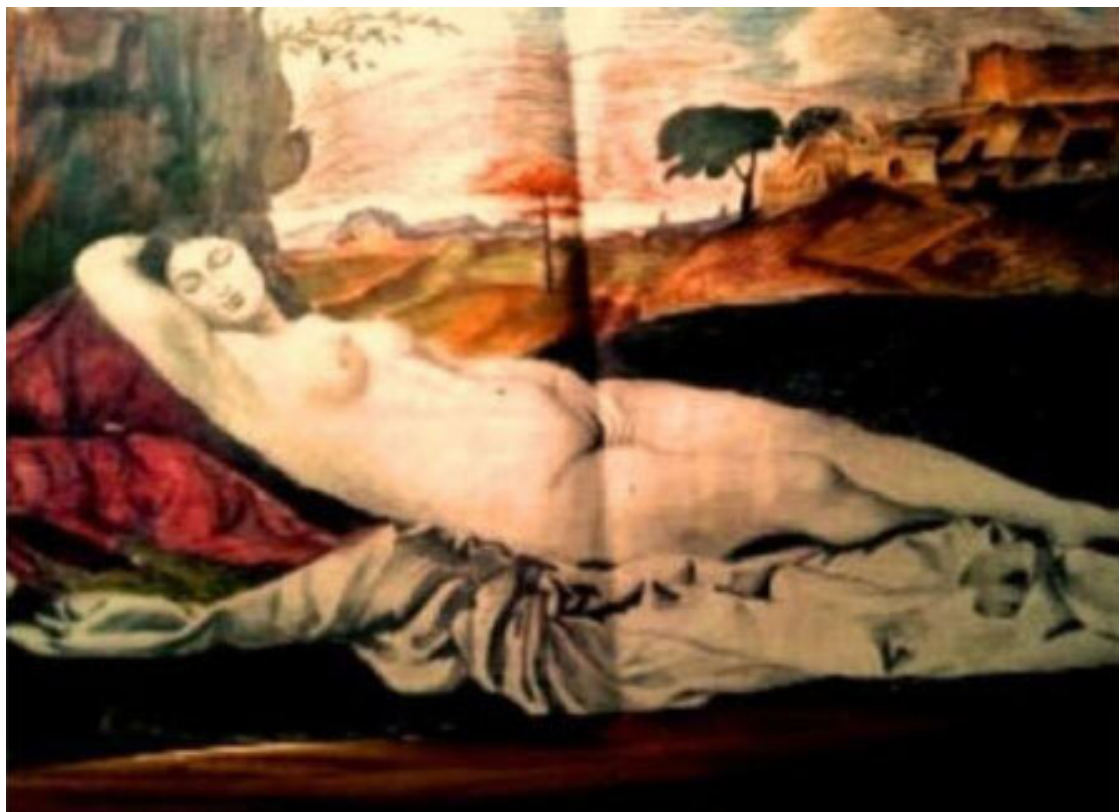
– Тогда она сама прыгнула с высоты, ты же знаешь, в нашей практике...

Второй в раздумье протянул:

– Да-а-а... Но только как объяснить? Сослуживцы говорят, что последний раз её видели идущей к лифту, а тело мы обнаружили во дворе дома на другой улице...

Оба пожали плечами...

Это? Будет? Весной? (Девичья грёза. Аутотренинг)

...Это будет весной. Да, весной. Вечером. На закате. Будут петь соловьи. Бывает в соловьиной песне и сорок коленцев, но обычно – пятнадцать или двадцать. Если появляется соловей – мастер, то другие вторят ему. Райское наслаждение – более, чем «Баунти» – батончик с кокосовой стружкой под шоколадной глазурью – от которого таешь (но, чтоб не полнеть, следует есть яблоки и творог).

Да, будет весна и соловьи. Я буду без очков. Да, без. В голубых линзах. Но без косы. С детства не нравились голубоглазые блондинки с косой. А ему – наоборот. Такая невезуха. И в школе также было, с другим, вот «вынь и положь» – чтобы с голубыми, и с русой. Но, что делать? Всё татаро-монгольское иго, вот ведь как, уже столько веков прошло, а глаза остались их – раскосые. Ну, ничего – «неприятность эту мы переживём».

Имя менять не буду. Нет. Конечно, было бы лучше стать Татьяной или Екатериной, но я уже привыкла к своему. Привыкла. Да и всё равно – ему подходят по совместимости: Ирина, Алина, Нина. Не успеть уже поменять, это так долго. До весны не успеть. Нет. Ведь сколько времени ещё уйдёт на омоложение: пластика, пилинг, липоксация... Нет, не успеть. Останусь прежней.

В комнате будет полумрак. Красный свет. Этот, возбуждающий чувственность красный луч. (Раньше были такие фонари, чтобы печатать – проявлять – закреплять. Надо найти, где-то валяется). Будет обязательно красный свет.

Обязательно при красном свете.

Я буду в чулках. Кружевных. Нет, в одном. Да, точно – в одном. Синем. Но кружевном. Красиво. И белье... обязательно кружевное. Много белья. Очень много белья. И как можно больше крючков. Как можно больше. Главное не цель, а путь к её достижению: «цель – ничто, движение – всё».

Да, цель – не главное. Её можно вообще не достигать. Это не важно. Да, не важно. Главное – поиск.

И будет музыка. Непременно. Морис Равель – «Болеро». Диалектическая спираль. Эти чудесные, сказочные звуки флейты, кларнета, фагота, трубы, саксофона... Но, как жаль, всё будет длиться только 11 минут (Коэльо).

Главное успеть. Главное успеть. Ох, эти крючки...

Всё по спирали, от закипающего молока до кипения, главное успеть. Лишь бы не подгорело. А то ведь какой запах будет. Да, ужасный запах убежавшего молока. Никакой апельсин не спасёт.

Духи с запахом апельсина? Надо будет капнуть несколько капель сока из цедры на красное стёклышко фонаря, запах распространится по всей красной комнате. И немного духов. Хорошо бы «Эллипс» – беспроектный вариант. Но их давно сняли с производства. Глупые арабы. Сняли с производства. А какой был запах. Да ладно. Будет запах «Пятого авеню». Запах «Пятого»? Боже, что за запах?

У подоконника? Нет, не представляю. На столе? Представляю, но как-то... У дерева? Да. У дерева представляю. Да, хорошо. У дерева.

А может быть традиционно? На кровати? Или не традиционно? Господи, опять муки выбора. Сколько же можно. Как бы не повторить участь Буриданова ослика. Нет-нет. Все-таки я – не ослик, я – она, а он – это он. Как-нибудь ориентируюсь. Справлюсь. Да, должна справиться.

Но «Ветки персика»... Как там всё сложно. Всё перепуталось в голове. Лодочки... верблюды... это невозможно запомнить. Что делать? Буду подглядывать на «Ветки» из Яндекс. Да, поставлю ноутбук рядом. Он разрешит. Я знаю. Он добрый. Он разрешит. Главное уложиться во времени. Хотя цель – не главное. А что же главное? Ничего не понимаю.

Однако, всё будет хорошо. Да. Я уверена. Главное – вести себя плохо. Плохо. Это как? Да неважно. Надо будет непременно выпить что-нибудь, расслабиться. Виски? «Белую лошадь»? Лучше коньяк. Да, коньяк, не важно – какой, я всё равно ничего не пойму.

Он пить не будет. Он хочет всё запомнить. А я хочу всё забыть. Сразу. Всё. «Чтобы не было мучительно больно, а было мучительно приятно».

Выпью. Да... Всё было так просто. А теперь?

Это невозможно. Лучше не думать. «Как только человек начинает думать, он становится одиноким». Я не хочу. Нет.

Лучше не думать...

Для взрослых колыбельный речитатив: «Образ первой любви»

Высказанная как-то гипотеза о том, что «любовь» – понятие философское и проецируется на сознание человека своими «образами» (у людей на Земле их столько, сколько их самих, кто докажет, что это не так, пусть первый бросит в меня камень), пока не опровергнута, зато не раз подтверждается «ныне, присно и во веки веков» – даже в виртуальности и на т. н. «лит-сайтах», а не только в реальной жизни.

Известно также, что есть писатели, которых не только печатают в типографиях, и народ читает, но и получающие за свои сочинения деньги. И есть авторы-альтруисты, которые доступны безвозмездно (в смысле денег за их сочинения). Которых больше? Если первых не так много и они, бывает, напишут всего одну книгу за всю жизнь, как Сервантес – «Дон Кихота», когда автору было пятьдесят, то вторым, как их ни пинают, мало интернета (справедливости ради, надо отметить, что не все они неграмотные графоманы).

* * *

Эту сентиментальную мелодраму (хотя мелодрам без сантиментов не бывает) поведал мне «со слезами на глазах» приятель, вернувшийся из очередной командировки. Как уже было не раз в беллетристике, всё произошло в поезде, в купе, где они случайно оказалось вдвоём (такие случайности случаются – если Гегель и товарищ не врут). При этом, попутчиком моему приятелю (точнее – попутчицей, и это следует уже со всей очевидностью из логики рассказа) оказалась симпатичная блондинка...

В связи с этой, потрясающей до потери сознательности, случайностью и родился в тот вечер от приятеля... Прошу понять правильно: время несжимаемо даже в скором поезде, поэтому для другого рождения должно было бы пройти 270 вечеров, т. е. приблизительно девять месяцев, а в командировки так долго теперь не ездят... Родился (а может уже существовал, и теперь в предложенных обстоятельствах объявился) речитатив об одном из множества упомянутых «образов любви».

Вот малая часть этого множества. Чтоб не забыть: фрейдовский психологический «образ сублимированной любви» (сублимация) – это отдельный разговор...

У Надежды Тэффи подробно показан «образ вечной любви» (что характерно, тоже в вагоне поезда). У Александра Житинского – «образ элегической любви» (и тоже случайно в вагоне поезда, с гражданкой США). Алексей Толстой предложил «образ возмездной любви» (и этот – в поезде: замечательная эротика с подоплёкой военного шпионажа). От Ирины Одоевцевой – «образ могильной любви» (буквально: на кладбище, на могильном холме, а не на вагонном диване, но тоже очень, очень...). По Алексею Слаповскому – это «образ непроходящей любви». По Александру Богданову и Алексею Толстому – «марсианский образ любви». У Анри Барбюса – «нежный образ любви».

Причём, ни один «образ», кроме сублимации, не обходился и не обходится без взаимопроникновения мужского и женского начал, точнее: его в неё (что известно из литературы, в т. ч. специальной, так и из жизни реальной). А другое, кстати, Зигмунд Фрейд считал ненормальностью. Это, квинтэссенция «образа».

Честное пионерское – не вру (хотя случается).

Так вот, приятель мой, пройдя по ковровой дорожке коридора вагона, остановился у двери купе, номер которого был указан в билете и деликатно постучал. Почти сразу в ответ девичий серебряный голосок, позвал:

– Войдите...

Начитанный в глубокой юности указанными «образами» и в надежде, что в купе к ним больше никто не постучит, он нажал на ручку двери, и... как смог спокойно поприветствовал незнакомку, попросил извинить за беспокойство, уточнил соответствие номера купе указанному в его билете, сообщил свой маршрут и представился. Сидевшая на диване с книгой в руках, девушка в свою очередь назвала себя:

– Ольга.

– А она прехорошенькая – отметил с удовольствием приятель – и очень похожая на Тэффи и Одоевцеву, но строгого вида. И книга, как он успел заметить, также имела серьёзное название: «Формальная логика».

Разместившись, приятель завёл разговор о том, о сём, как это случается в поездах дальнего следования, но не о погоде. Ольга оказалась раскрепощённой и интересной собеседницей, с пониманием и весело реагирующей на байки собеседника, несмотря на «Формальную логику». Не жеманясь и без ханжества поучаствовала «за знакомство» в дегустации «Киндзмараули». Согласно неформальной логике вспомнили нечаянно об «образе первой любви», который приятель представил из своего прошлого.

Что возобладало в купе: «формальность» или сомнение в её логичности, девичий «комплекс инцеста»: «главное не попасть «под телегу», а потом – в мемуары «про это» (как пожаловалась некая барышня) или естественность «образа любви» – это мне неизвестно... Приятель умолчал (по Тэффи: «о тех, которые были недавно, рассказывать не принято»).

Не буду сочинять – Стругацкими отмечено: – Пишите либо о том, что знаете хорошо, либо о том, что не знает никто. Случайность ли это, как в «Элегии Маснэ» и «Вечной любви», повезло ли приятелю и преуспел ли он также? Не знаю. Но речитатив перескажу, как помню.

«Речитатив».

«Итак, о первой любви (бывает же не только «вечная», но и «первая» – не так ли?).

Дело было в поезде. (Надо заметить, что в поездах люди хотят быть лучше, интереснее, чем они бывают в обычной, статичной жизни, и приятель – не исключение).

Случай этот – почти по Тэффи. Моя попутчица, милая и общительная, кокетливо спросила через некоторое время после знакомства:

– Какой у Вас была первая любовь?

– Да уж, была, и не одна – мечтательно признался приятель.

– Ну, надо же! Расскажите хоть один случай.

– Один? Их столько, что затрудняюсь.

– И все первые?

– Натурально. Любви не первой не бывает. Ну вот, например, могу Вам рассказать одно маленькое, но без продолжения приключение. Дело было, конечно, давно. О тех, которые были недавно, джентльмены не рассказывают (хотя Пушкин даже написал, что у него было в стогу с «чудным мгновеньем»). Так вот, случилось это году так... в общем, случилось.

Дверь из групповой комнаты, если её открыть, а открывалась она наружу, в небольшой холл, образовывала с перпендикулярными стенами замкнутый треугольник, некое подобие алькова, где я и разместился кое-как со своей возлюбленной. Свои трусики девочка предусмотрительно сняла (возможно априори или раньше меня была наслышана о сентенции под телегой в «Петре Первом» Толстого), а может и вообще не надевала (в предчувствии моды танцплощадок семидесятых годов).

Я приподнял край платья или Мальвина это сделала сама, повернувшись ко мне спиной, – это у меня не отчётливо. Но как сейчас помню: присев, я прикусил её левую бело-розовую полусферу юго-восточной части спины (это то место, что расположено ниже т. н. «талии»). Не уверен – было ли это проявлением моего любовного пыла в настоящем или женоненавистничества – в отдалённом будущем, но то, что пушкинская болтливость моей Дульсины повлияла на последнее – можно предположить с некоторой долей вероятности. Дальнейшее продвижение наше по пути любви у меня как-то не запечатлелось.

Нечего говорить, что девица была счастлива вниманием к прелести нижней части её туловища, и потому не замедлила похвастаться своей радостью с воспитательницей нашей группы (забыл сказать, что «это всё происходило в городском саду», как пела Анна Герман своим ангельским голоском).

Воспитательница же в течение всего дня с изумлением посматривала на меня (ведь «в СССР секса нет»), с сожалением, негодованием и с завистью – на мою Лолиту, но ничего не говорила до прихода за мной моей мамы. Они пошептались тета-тет, после чего мне была про-

читана примерно получасовая лекция – не запомнил содержания, но – с явным оттенком аморальности моего «подвига».

Дома меня не побили, что явилось случаем из ряда вон выходящим, т. к. и за меньшие преступления против нравственности мама меня регулярно воспитывала физически – в основном избирая местом приложения воспитания всё ту же юго-восточную часть моей спины, но одним местом «воспитание» не ограничивалось, доставалось и другим.

Например, будучи отправленным с бидоном под молоко в магазин, положил деньги, полученные из семейного бюджета, на дно этого бидона, чтобы не потерять. Потом что было...

А ещё моя судьба похожа – мне кажется – на сюжет в «Факультете патологии». Который грустно заканчивается: «первая любовь» там – Наташа – укатила во Францию.

К концу рассказа «образа первой любви» заказчица уже украдкой позёвывала.

А местное радио своими четырьмя октавами напомнило об экономии энергоресурсов:

– Гасите свечи.

– Пора в горизонтальное положение? Но порознь? – безнадёжно подумал про себя.

Ольга, будто услышала, молча кивнула, а я вышел в коридор, чтобы дать ей возможность переодеться ко сну.

Таким образом, и в детском саду (что естественно), и в поезде (что может – не очень) мой «образ первой любви» оказался виртуальным. Если в «Факультете патологии» барышня уехала во Францию, то в моём случае она ехала со мной, в одном купе, но будто в другом от моего направления.

«Спокойной ночи, господа.

Да будет мир вам и покой. Усните с богом».

Лагерное контрматримониальное. Четыре этюда и Довесок

*Опять весной мечты стесняют грудь,
весна для жизни – свежая страница.
И хочется любить кого-нибудь,
но без необходимости жениться.*

И. М. Губерман. «Гарики»

Ремарки

1. Здесь нет декора, который есть в замечательном эссе Катаева «Алмазный мой венец»: Королевич – это Есенин, Командор – Маяковский...
2. Топонимические имена – это условные географические места, как в «Операции «Ы»: – Чтобы никто не догадался.
3. От третьего лица, для объективности.

Тула

Жена родственника очень хотела женить Сашу на своих подружках. Не на всех сразу, но – на ком получится...

Мама одной из предполагаемых невест работала в торговле по продовольствию (и радостно была удивлена, когда Саша в накладку закрыл клапанами картонную коробку потенциальной тёщи на её глазах (не буквально), сестра или жена брата – также, но по одежде в большом новом магазине, расположенном на всём первом этаже 9-и этажки. Папа девочки был шире, чем выше, пенсионер и не чужд сермяжной лексики.

Невеста училась или закончила местный педагогический, возможно, по филологии, проводила экскурсии в Ясной Поляне. Когда Ясную посетил президент Франции Валери Жискард д'Эстен – у него оказались какие-то корни в России – он в знак признательности за проведённую экскурсию презентовал девушке шёлковый головной платок светло-коричневых тонов с изображением лошадей и ещё чего-то...

Кандидатка в невесты носила очки с толстыми стёклами и сама была близка к «кустодиевской красавице» – очевидно, пошла в папу.

Им «достали» (как говорили тогда) билеты в филармонию на иностранных гастролёров (уже во время концерта можно было понять, что в СССР решили из политического соображения поддержать иностранцев, т. к. способности концертантов оставляли желать лучшего, а билеты на концерт были дорогие по тем временам: 5 рублей).

На свидание и культпоход девушка пришла в тёмном платье с белым шитьём по краям, причём, в одном месте – может быть, из-за стирки, утюжки или другой причине – шитьё было нарушено и часть его белых ниток предательски свидетельствовала о неаккуратности или невнимательности.

Кроме платья, на барышне были указанные очки, причёска и туфли, возможно, – чулки (которые всегда Саше представлялись на девушках прелестными до потери сознательности, как и место от края чулок до края... в общем до края другого изделия выше, как нравились женские ноги вообще – не только, как путь к цели, но и как цель, впрочем, как и все девичьи формы).

Какое впечатление произвёл концерт на барышню – неизвестно. Но в этот или другой день на променаже возник «филологический» вопрос: о происхождении и значении выражения

«типун тебе на язык». Филологиня квалифицированно объяснила любопытному балбесу. Тот спросил между прочим: – А как же быть, если в семье муж не знает таких вещей? На что дева твёрдо, с выражением достоинства и серьёзностью на лице заметила: – Достаточно того, что это знаю я.

Вследствие этого лозунга, зайдя через некоторое время на квартиру к родственникам, Саша также твёрдо сообщил им прямо с порога и без какой либо моральной подготовки радостную весть, что не достоин их замечательной толстушки – в семейном и экскурсионном смыслах...

Мужская часть населения квартиры была возмущена цинизмом демарша, а женская тоже что-то сказала, констатирующее беспросветную неумность отказника.

Сталиногорск

С приятелями иногда вечерами они в пятницу или субботу бывали в городских ресторанах (собственно, бывали только в двух).

В этот вечер припёрлись в «Россию». Программа традиционная: «резко выпить и резко закусить», как говаривал один из приятелей, а другой называл рестораны аквариумом с рыбками (которых они как бы ловили, или те их – в зависимости от обстоятельств), ну, и танцы...

Заказали и вкусили, когда в зал вошли трое: две девушки и гражданское лицо мужской наружности. Троица уселась за свободный столик в пределах видимости, и у них «процесс пошёл» приблизительно в том же джентльменском наборе.

Оркестр шумел уже с полчаса. Встав из-за стола и предупредив приятелей, Саша пошёл к столику пришедших, наметив жертву. Однако, пока пробирался, мужская наружность успела пригласить одну из девушек и как раз ту, что была намечена.

Ну, не возвращаться же или идти курить «Герцеговину Флор», да и вторую девушку оставлять в одиночестве было жаль – пригласил (вообще-то никогда – и до сих пор – не умел что называется «танцевать», но, а как ещё можно приобнять за талию и плечи милое создание?).

Далее последовало знакомство, вечерние встречи, кино, прогулки, а также в гости к девушке с деловым визитом (для установки подсветки за телевизором) в 4-х комнатную квартиру семьи из 3-х (или 4-х) человек с главой семьи в чине подполковника (или полковника) военкомата, а дочка работала кассиром коммунальных платежей.

Была и она с ответным визитом, в комнате коммунальной квартиры, где как-то удалось посадить её на дубовый письменный стол ручной работы. В такой диспозиции поговорили о любви и алкоголе, при этом хозяином было замечено, что эти две вещи несовместны. Признался также, что пригласил её тогда в ресторане нечаянно, т. к. собирался – соседку. Она тоже призналась, что поняла это сразу, а ещё, что была удивлена тогда, что не взглянул на них входящих.

И вот тут на столе нечаянно обратила на себя внимание особенность сидящей, из-за которой «процесс» дальше не пошёл, хотя мордашка девушка мила.

Были как-то в кино в компании с братом пассива и его подружкой. По окончании сеанса попрощались и разошлись. Придя домой, позвонил и сообщил, что виделись последний раз. Она спросила: знал ли это, когда были в кино? – Да.

Из-за чего «процесс» не пошёл, было утолщённым большим пальцем на правой руке девушки...

Новомосковск

Другой случай – это учительница начальных классов.

Справедливо было сказано; «от учителей нам нечего почерпнуть»...

Она как-то призналась, что покрикивает на своих воспитанников, и вообще строгая с ними...

А события развивались по следующему сценарию.

Во Дворце культуры химиков (бывшем – шахтёров) вечерний концерт популярной музыки.

После концерта народ повалил на площадь перед дворцом, растекаясь далее по улицам. И тут Саша заметил знакомую девушку. Окликнул по имени, обернулась, было шарахнулась, но передумала, возможно, что-то припоминая, увидев его в свете уличного фонаря. Подошёл, представился и напомнил счастливое пионерское детство. Пошли вместе. Проводил до её дома (рядом с госбанком).

На скамейке у подъезда сидела стайка девушек, хотя летний вечер клонился к ночи. Провожаемая, радостно воскликнула одной из сидящих: – Таня, ты узнаёшь его?

Девушка, к которой обратился Сашин и соседок взгляды, тоже была знакомой по лагерю и тогда нравилась Саше – у неё была коса и контрольты (что это такое неизвестно, но голос был, и она им пела на чистом «иностранном» языке:

«Ела сумбра,
Ё ен тыя
И сектанту
Ватер ё...».

(Присутствовавшие на концерте гости с Кубы, улыбаясь, потом говорили, что это не совсем кубинский). Но пионеры, воспитатели и вожатые искренне аплодировали певице.

Далее всё шло, как обычно: прогулки, кино. Но кроме того, пришлось по приглашению учительницы начальных классов побывать у неё дома с дружественным визитом, где был с радостью принят её бабушкой. Побывал с учительницей и в ресторане в связи с её профессиональным праздником, где она тоже пела со сцены, посматривая на Сашины вытаращенные хмельные глаза. Пришлось с ней потоптаться, изображая танцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.